

ЭХО ТРАДИЦИИ

БЕСТИАРИЙ ЛАФОНТЕНА

Гербовник поэта XVII века

«Что значит *феникс этих лесов?*» — иронично спрашивает Жан-Жак Руссо в знаменитом отрывке «Эмиля», где он слово за словом анализирует басню «Ворон и лиса» и, в некоторой степени кривя душой, показывает, что для ребенка она непонятна⁵⁶⁷. Стремясь доказать, что басни Лафонтена невразумительны и даже безнравственны, он размышляет над природой и сущностью сыра, а затем задает странный вопрос: «Что значит ворон?». Как это иногда случается, Руссо, в пылу полемики, слишком увлекается своими критическими рассуждениями, и к рациональным доводам в конечном итоге примешиваются совершенно необоснованные.

Если образ феникса и впрямь выглядит несколько вычурно, а стихи Лафонтена действительно не всегда ясны для маленького ребенка, то фауна, изображенная в баснях, напротив, опознается без труда и не представляет трудностей для понимания. Речь в основном идет о «знакомых» животных (основополагающее понятие для изучения истории отношения человека к животным): как домашних, так и диких, в основном местных, иногда экзотических. Все они с глубокой древности являются самыми типичными представителями бестиария западной культуры, даже если некоторые из них, например, лев или слон, не встречаются на просторах старушки Европы. Они хорошо знакомы всем читателям Лафонтена, вне зависимости от того, сколько тем лет и в какую эпоху они живут. И было бы ошибкой полагать, что столь близкое знакомство состоялось именно благодаря басням нашего

автора. Это совсем не так. Эти животные были хорошо известны задолго до него — разумеется, тоже по басням, но также по другим текстам, по изображениям, мифам, всевозможным обычаям и ритуалам, которые, пропустив мировую фауну сквозь сито европейской культуры, составили из нее некий избранный бестиарий. Пословицы, антропонимика и геральдика — вот те области (если ограничиться тремя примерами), которые, наряду с баснями и сказками, а иногда и в тесном взаимодействии с ними, послужили для формирования этого бестиария.

Знакомый бестиарий

В общем, в бестиарии Лафонтена нововведений почти нет. Не только потому, что материал для большинства своих басен наш автор заимствовал у предшественников, но еще и потому, что он хотел сохранить за каждым животным его самые привычные черты. Не природные, разумеется, а культурные. Было бы и впрямь нелепо продолжать считать Лафонтена внимательным наблюдателем сельской фауны*, каковым он слыл слишком долгое время, и верить, что должность государственного лесничего Шато-Тьерри, которую ему пришлось купить в 1652 году и которую он занимал около двадцати лет, дала ему возможность изучить эту самую фауну в натуре (часто ли он вообще бывал в шампанских лесах?). В XVII веке литература не пишется с натуры, даже если речь идет о баснях (особенно если речь идет о баснях — одном из самых ученых жанров). Кроме того, вопреки принятому мнению, Лафонтен никогда не был настоящим сельским жителем и едва ли был лесником; скорее уж его можно назвать «садовником», то есть завсегдатаем садов. Не огородов и теплиц, а «зеленых лабиринтов» — таких как Версальский парк, который, как нам сегодня известно, имел ключевое значение для сочинения некоторых его басен⁵⁶⁸. Наконец, не считать же его натуралистом и защитником животных только потому,

* Однако этот образ поэта кажется непоколебимым; он является частью легенды о «добряке Лафонтене» и в основном подразумевает его так называемые наблюдения за собаками, кошками, ослами, крысами, мышами и... муравьями. Легенда гласит, что увлекшись их усердным изучением, поэт регулярно опаздывал к обеду.

что он был активным противником теории Декарта, Мальбранша и их последователей о «животных-машинах»⁵⁶⁹. Совсем наоборот, отказ видеть в животных обычные автоматы — это ученая, даже элитистская позиция, противопоставленная естественнонаучному подходу.

В общем, животные, описанные Лафонтеном, ни в чем не похожи на тех, что он мог бы повстречать во время своих сельских прогулок. По большей части эти животные встречаются уже у античных и средневековых баснописцев, восточных сказочников, в «Романе о Лисе» и в традиции, связанной с изопетами* и анималистической поэзией. Кроме того, любовь к лугам и лесам, наслаждение прохладой источников и тенистой листвой, соседство с пастухами и овцами, созерцание неба и птиц, чувство полной гармонии с природой, ее ритмами, погодой и временами года — все это восходит к книжной традиции. Начиная с Вергилия об этом охотно говорят, это воспевают, провозглашают, но совсем другое дело — воплотить это все в реальности, под дождем, в грязи, среди колючих кустарников и насекомых... Такое отношение выстраивается на основе книжного знания, причем объектом этого отношения становится не природа, а представление о ней⁵⁷⁰. Истоки его следует искать в библиотеке. Случай Лафонтена в этом смысле показателен: своих зверей он брал из книг, в частности, из сборников басен Европы и Азии, а не из лесов, полей и лугов⁵⁷¹.

Кроме того, опора на традицию, на книжную культуру и иконографию позволяет нашему поэту избегать множества ненужных подробностей, ведь всякая система знаний — античная, средневековая или Нового времени — исходит из того, что истинная суть вещей сокрыта в библиотеке, а не в неуловимой природе. Это также позволяет ему с первых стихов басни превратить читателя в умиленного соучастника, который с премногим и превеликим удовольствием открывает для себя то, что ему и так уже известно: лев, царь зверей, высокомерен и могущественен; лиса — хитра и изворотлива; волк — вечно голоден и жесток; осел — глуп и ленив; кролик — весел и беспечен; ворон — болтлив и прожорлив.

* Басенными сборниками. — *Прим. перев.*

Животные переходят из басни в басню, сохраняя присущие им черты, которые в той или иной степени были для них характерны уже в античной басне — у Эзопа, Федра, Авиана и некоторых других — и которые по-прежнему были вполне им свойственны в XVII веке, как о том свидетельствуют сказки и легенды, пословицы и песни, энциклопедии, сборники эмблем, трактаты по геральдике и все связанные с ними изображения. Было бы наивно полагать, что скромный прогресс, проделанный зоологией в XVI–XVII веках, мог хоть как-то подорвать авторитет этой традиции⁵⁷². С ходом столетий и в ученой, и в народной культуре характеры животных постепенно были сведены к набору клише. А геральдика — искусство в высшей степени зооморфное, — которая всегда отдает предпочтение структуре перед формой, придала общей, инвариантной, взятой со стороны схеме такую гибкость, что отныне они могли использоваться в любых контекстах, никогда не теряя при этом характерных черт.

Литературный гербовник

Геральдика действительно часто лежит в подтексте басен Лафонтена. И не столько даже в виде намеков на герб той или иной особы, покровительствующей Лафонтену и его друзьям либо очерняющей их: белка Фуке, уж Кольбера, ящерицы семьи Летелье и даже лев семьи Буйон, щука семьи Манчини и собака издателя Барбена. Этот довольно скромный геральдический подтекст — который, однако, заслуживает более пристального изучения⁵⁷³ — не является основным. Впрочем, он не ограничивается фигурами, представленными на гербе той или иной семьи: каждый человек, помимо семейного геральдического животного, в действительности может использовать еще одно или несколько других животных в качестве девиза (в значении XVII века). Лувуа, например, помимо знаменитых ящериц семейного герба Летелье, демонстрировал также собственную говорящую эмблему — волка, — и даже — учитывая, что эмблематика XVII охотно культивировала ребусы и каламбуры⁵⁷⁴, — волка «смотрящего», «волка, который видит» (*loup voit*); это значит, голова его была развернута анфас, как у леопарда, а не в профиль, как у льва⁵⁷⁵. Но главное не в этом.

Главное состоит прежде всего в следующем: набор животных, изображенных в баснях, ограничен и образует целостную систему; в основе повествования каждой басни лежит геральдически мотивированная структура; наконец, из басни выводится мораль, которая почти всегда выражается в форме изречения или сентенции и помещается в финале, подобно *мотто** на девизной ленте. Не столько даже книги эмблем, чье несомненное влияние на Лафонтена⁵⁷⁶ уже давно доказано, сколько искусство и наука геральдики являются определяющими для его поэтического творчества. И три книги басен, которые Жан де Лафонтен опубликовал с 1668 по 1694 год, являют, возможно, пример самого замечательного литературного гербовника, который нам оставил XVII век: гербовника *упорядоченного*, то есть с классификацией по геральдическим фигурам, а не *общего*, то есть с классификацией по семьям и владельцам гербов.

Животные из басен Лафонтена — это не реальные животные; пусть даже кузнечик стрекочет, жаворонки выют гнездо, волк съедает ягненка, а ослы и мулы несут поклажу. Но это и не люди (или не совсем люди), хотя они разговаривают и спорят, совсем как человеческие существа, совершают паломничества, женятся, хотя их лечат и хоронят, и хотя в их мире есть король, двор, советники, дворцы, хижины и суды. Это также не типы или маски, которые можно встретить в театре или в маскарадных ритуалах, и уж точно не олицетворение качеств, потому что их образы не обобщены, а индивидуализированы. Вовсе нет, скорее это «негеральдические фигуры», *teibles* — в том самом смысле, который это слово приобретает в контексте геральдики, то есть фигуры, положение которых внутри щита не фиксировано: на разных гербах они занимают различные места и позиции. Их число, расположение, соотношение, форма и цвет могут варьироваться; кроме того, они переходят из герба в герб, выстраиваясь в ряды, создавая переключки, образуя непрерывные последовательности или прерываясь — и тем самым упорядочивая любой гербовник. Впрочем, даже растения и предметы, которые появляются в баснях, трактуются таким же образом — как гербовые фигуры, подобные тем, что мы встречаем в трудах двух

* Девиз. — Прим. перев.

великих геральдистов в 1660–1680-х годах: бургундского ученого Пьера Пальо и особенно иезуита отца Клода-Франсуа Менестрие, чьи трактаты и руководства имели огромный успех на книжном рынке даже в XVIII веке⁵⁷⁷. Какая же разница между львом, волком или лисой, с одной стороны, и дубом, камышом, желудем и тыквой, горшком и котлом — с другой? По правде сказать, никакой. Все это аутентичные гербовые *негеральдические* фигуры; мы обнаруживаем их в гербовнике баснописца и, конечно же, в его бестиарии, который, так же как и средневековые бестиарии, не ограничивался только животными. Впрочем, иначе и быть не могло, ведь басни без животных не были бы баснями.

Эмблематические животные

Иногда простота и связность этого бестиария как будто бы контрастирует с многоаспектностью и сложностью некоторых басен. Повторяемость ряда животных — шестеро из них встречаются в десяти и более баснях (лев, волк, лиса, осел, собака и крыса) и еще несколько встречаются чуть реже (петух, обезьяна, ворон, бык) — говорит о том, что этот животный мир ограничен, замкнут сам на себе. В противоположность распространенному мнению, в бестиарии Лафонтена не очень много животных видов: менее пятидесяти на 238 басен, опубликованных в виде трех сборников с 1668 по 1694 год. А некоторая живность, например, устрица или шершень, вообще встречается в баснях лишь раз. Имело бы смысл посчитать, насколько часто или редко появляются в баснях те или иные животные и затем сравнить, в статистическом смысле, бестиарий Лафонтена с бестиариями его предшественников. Лафонтен мало что привнес⁵⁷⁸, однако его добавления выступают в качестве регуляторов, обеспечивающих стабильное функционирование системы, которая без подобных нововведений утратила бы гибкость. Также имело бы смысл поразмышлять и над отсутствием некоторых животных и, возможно, подумать над тем, считать или не считать человека частью этого бестиария.

В басенном бестиарии, как и во всяком другом, одни животные встречаются чаще, другие реже. У Лафонтена двое из них являются рекордсменами: это лев и лиса; однако они были самыми

популярными и в античных, и средневековых баснях и уже тогда олицетворяли собой два обязательных полюса животной символики: мужское животное и женское животное, королевское и крестьянское, солнечное и лунное; *золотое* (желтое или рыжевато-красное) и *червленое* (красное или рыжее)⁵⁷⁹. Лев и лиса вдвоем уже заполняют собой половину геральдической палитры. Бестиарий Лафонтена строго иерархизирован, но в основе этой иерархичности лежат не законы природы и даже не классификационные системы зоологии, а почетность той или иной гербовой фигуры. В западной символике именно геральдика на рубеже XII—XIII усадила льва на трон царя зверей. И именно басни Лафонтена окончательно утвердили его на этом троне, с которого одно время его безуспешно пытался согнать орел⁵⁸⁰.

Одна грамматическая особенность явно подчеркивает геральдический характер животных образов, переходящих из басни в басню: частое употребление определенного артикля: *le corbeau* (ворон), *le renard* (лиса), *le lion* (лев), *la cigale* (кузнечик), *la fourmi* (муравей), *les grenouilles* (лягушки). Это грамматическая черта характерна для языка блазонирования: *d'argent au* corbeau de sable* (в серебряном поле черный ворон); *de sable au lion d'or* (в черном поле золотой лев); *d'or au renard de gueules* (в золотом поле червленая лиса); *de gueules au loup ravissant d'hermine* (в червленом поле волк, похищающий горностая). Определенный артикль, с одной стороны, дает каждой фигуре имя — почти что имя собственное (поэтому в некоторых старых изданиях появляется написание с заглавной буквы: *le Lion*, *le Renard*, *le Corbeau*) — и, что еще важнее, позволяет представить каждый вид архетипически. Это не просто *некая* лиса, а Лиса *как таковая*. Свойственные ей черты — физические, социальные, моральные или психологические — являются не столько индивидуальными особенностями, сколько общими характеристиками для всего вида. Причем не в рамках естествознания (басня, повторимся, — жанр, совершенно чуждый всякой естественности), а в рамках культурных традиций. Ни один нормальный кузнечик, к примеру, не станет питаться «му-

* Au = à + le (предлог, слитый с определенным артиклем). — Прим. перев.

хами и червяками»: это насекомое питается исключительно соком растений; однако правдоподобие — а следовательно, и правдивость — сохранено, ведь в традиции кузнечик — существо шумное и прожорливое, а значит образ, созданный в басне, вполне отвечает представлениям читателя.

Геральдика басни

Кроме такого рода особенностей зооморфного ряда, организованного внутри себя как настоящий гербовник, нужно отметить, что принципы повествования, благодаря которым все эти животные приходят в движение и вступают друг с другом в отношения, исконно свойственны геральдическому синтаксису. Фактически басня, подобно гербу, структурирована по принципу наложения планов, которые прочитываются поочередно. Заднему плану соответствует исходная, как правило, кризисная ситуация, на которой завязана дальнейшая история. Средний план занят более или менее продолжительными событиями, которые трансформируют исходную ситуацию; это та самая знаменитая «комедия в сто актов», где чередуются повествовательные части и речи. Затем, на переднем плане, представлена финальная ситуация — результат нового расклада сил. Но на этом басня-герб не заканчивается: «поверх всего», составляя самый близкий к зрителю план, в конце перед нами предстает мораль, настоящая *душа* эмблемы, *телом* которой является повествование, если воспользоваться терминологией, которую любили применять геральдисты и теоретики эмблематических сборников XVI–XVII столетий*. Чтение, как и в случае с гербом, задано порядком следования планов, и начинается он именно с заднего плана, причем возврат обратно невозможен. Глагольные времена, которые употребляет Лафонтен, поддерживают эту слоистую структуру: сначала имперфект, затем простое прошедшее или повествовательное настоящее время; наконец абсолютное настоящее, предназначенное для изречения сентенций, ма́ксим и общих истин. Геральдическая

* Метафорические выражения *l'âme de la devise* и *le corps de la devise* — буквально «душа эмблемы» и «тело эмблемы» — используются для обозначения, соответственно, *надписи* и *изображения*, представленных на эмблеме. — *Прим. перев.*

структура опять-таки нагружена смыслом: на заднем плане — прошедшее, на переднем — настоящее, и вечность — «поверх всего».

Восемнадцать месяцев, которые Жан Лафонтен провел у ораторианцев*, пионеров XVII века в области геральдической педагогики⁵⁸¹, вероятно, оказали на него сильное воздействие. Столь сильное, что свой бестиарий он создавал как некий гербовник, а басни выстраивал по геральдическим принципам. Так что каждая басня одновременно может прочитываться как красочный рассказ, моральная аллегория, эмблематическое воззвание, девиз, дидактическая программа и искусство мнемотехники — одним словом, как настоящий герб.

* Старейшее католическое объединение священников, живущих в послушании, но не приносящих монашеских обетов, возникшее в 1558 г. Риме. Его цель — возвращение к духу простоты апостольских времен в молитве, проповеди и совершении таинств. — *Прим. ред.*